

"Смутная алчба — 2": от "А" до "Я"

В 2010 году вышел сборник интервью, который провели с одесскими деятелями современного искусства два Евгения — Голубовский и Деменок. В предисловии авторы этой интересной и поучительной книги признались: "На свой страх и риск мы выбрали двадцать художников, чьи успехи и творческая активность в 2009 году представлялись нам заметными". Недавно увидел свет очередной сборник под тем же названием — "Смутная алчба", — но под № 2, в котором идет речь о лидерах 2010 года.

Голубовский и Деменок — люди с разным опытом, принадлежащие к разным поколениям исследователей и толкователей, собирателей и пропагандистов не только изобразительного, но и иного одесского искусства. Я бы сравнил их тандем с Владимиром Познером и Иваном Ургантом, но наши земляки путешествуют не по заморским странам, а по мастерским художников, музейным залам, частным собраниям. И каждый, опираясь на свое видение, привносит свой выбор собеседников, что делает образующуюся картину художественной жизни нашего города если не объемной, то и не плоской.

Сейчас самое время напомнить, что название уже двух сборников (нам обещан и третий) навеяно альманахом, который в 1918 — окаянном году — так и не вышел в Одессе. Не правда ли, есть нечто печальное в сочетании слов, из которых первое знакомо, а второе относится к архаичным и означает то ли желание, то ли алчное стремление обладать чем-то недостижимым...

Но как раз подобная смысловая и эмоциональная окраска напрочь отсутствует и в замысле составителей, и в тональности ответов тех, кто давал им интервью.

И все же признавая правомерность выбранного принципа отбора героев бесед, позволю себе напомнить точку зрения великого поэта Бориса Пастернака, размышлявшего о критериях, по которым художник может

судить о своей жизни: "И поражение от победы ты сам не должен отличать". Но право же, почему бы этого не сделать другим...

И еще: вспомнилась история, рассказанная мне много лет назад Дульфаном. Не его сыном Дмитрием, опрошенным в первой "Алчбе", а Люсьеном, — вот кого бы расспросили — он бы такого наговорил! Так вот, Люсик — тогда еще веселый и шумный, талантливый и молодой живописец раблезианского (на одесский лад) толка — поведал о своем родственнике, которого сегодня нарекли бы конченным лохом, а в 20-е годы минувшего века называли "лемеле" (на идише — "баранчик"). Когда грянул нэп, он решил обогатиться и каким-то образом создал маленькую артель, которую назвал "Успех". Какое-то время надеялся на удачу, но всегда приходил домой с пустыми карманами. И однажды его несчастная жена, увидев из окна приближающегося горемыку, сказала свекрови: "Вот идет наш успэх!".

Так или иначе, в сборнике мы встречаемся с художниками, чьи имена известны. Одни — широкому кругу почитателей, другие — определенному.

Составители, стремясь соблюсти объективность, разместили художников в алфавитном порядке. И это дает возможность отметить, что удивительным образом под первой и последней буквами оказались персонажи диаметрально противоположные, и для меня — знаковые.

"А". Ануфриев Сергей. Знаю его еще младенцем, сыном легендарной и дорогой для нас пары, вписавшей свои имена в историю современного одесского искусства. Александр (Саша, Шура) Ануфриев — один из зачинателей движения нонконформистов. Маргарита (Рита), во втором браке Жаркова, — муза молодого Саши, организатор и куратор многих выставок 70-80-х годов.

Их сын — известный теоретик одесского, да и всесоюзного авангарда. Сооснователь одного из направлений в нем — медгерменевтики. В багаже А-младшего — преимущественно тексты, а не изобразительная продукция, а также перформансы, хепенинги, как говорится, порой на грани приличия. Впрочем, у меня есть и его юношеские рисунки, — ах, каким же он был эрудитом и книжником... В последнее время Сережа, живущий в Москве, да и за рубежом, зачастил в Одессу. Отвечая на вопрос о своем участии в наших выставках 2010 года, говорит: "...Мне кажется, самым интересным явлением, вызывающим очень противоречивые чувства и оценки, было Одесское биеннале. Я могу сказать, что я со своей женой Катей его сделали. Здесь я не постесняюсь". Оборву цитату. В мою задачу не входит полемизировать с С. Ануфриевым на предмет вклада каждого, чьими тщаниями этот проект все же состоялся к годовщине города. Мы могли бы

и подискутировать с ним, но в отличие от моего давнего знакомого, признаюсь: я постеснялся...

"Я". Ялоза Альбина. Знаю ее всего несколько лет, но выделил сразу же — по работам на первой же выставке. Харьковчанка, она получила крепкое профессиональное образование: этот город славен художниками-графиками. Первые ее одесские серии свидетельствовали не только об овладении самыми современными технологиями, но о применении собственных — оригинальных и эффектных — приемов в работах, вписывающихся в контекст общеевропейского графического искусства. А затем произошло что-то вроде неожиданного чуда: Альбина создала листы, на которых ожили разноцветные рыбки — как бы родичи тех, что писал, рисовал, мастерил из дерева Валентин Хрущ. И еще — цветы, которые не спутаешь с другими, — наши, одесские, фонтанские.

А между "А" и "Я" — между "Ань" и "Янь" одесского Букваря — еще 18 фамилий.

Не удержусь повторить: у меня был бы другой состав и букв, и фамилий, но кто из нас, уважаемые читатели, не сказал бы того же самого? Поблагодарим же Голубовского и Деменка за отвагу выбора.

Художники разные — и по уровню дарования, и по степени известности, и по вкладу в современное искусство и культурную жизнь Одессы, и по избранным приоритетам и ценностям. Оценивать их работы, их ответы на вопросы нужно не сравнивая, а в контексте биографий и судеб, профессиональных устремлений и жизненных кредо каждого.

В новой "Алчбе" — всего два художника из предыдущей, Стас Жалобнюк и Александр Ройтбурд, по-прежнему интересны составителям и читателям. Я бы отметил то, что их сближает. Талант, профессионализм, энергетика, умение много и плодотворно работать, организаторские способности, стремление к лидерству, патриотизм. Последний компонент каждый из них понимает по-своему, но по сути, они — преданные одесситы, переживающие за родной город.

То, что их разъединяет... Об этом поговорим в заметках о третьей "Алчбе". Уверен, они вновь встретятся среди очередной двадцатки самых успешных и деятельных.

Ройтбурд и Жалобнюк — в тройке самых упоминаемых коллегами. На первом месте Хрущ. В связи с этим: в первом сборнике опубликовано интервью с Юрием Егоровым, записанное незадолго до его кончины. Уверен, — во втором могла бы быть и беседа с Валентином, Валиком, Хрущиком, пусть и составленная из разных текстов и воспоминаний.

И все же любопытно: насколько они разные, наши художники!

Говоря о самом большом гонораре, Юрий Горбачев сообщает о том, что его работа, изображающая святого Георгия, была продана за 210 тысяч долларов...

Виктору Павлову составители сборника подобный вопрос вообще не задают...

Василия Рябченко спрашивают о его отношении к Одессе.

— У меня просто любовь.

— Когда началась?

— Наверное, с рождения в этом городе.

"Я люблю Одессу, хотя иногда и обижаюсь", — Александр Лисовский...

На важнейший вопрос о соотношении себя со временем отвечают по-разному. И слава богу.

Читайте сами.

К примеру, Павлов, автор философских трактатов, сформулировал: "От времени нельзя никуда деться". И эта сентенция удивительно органично корреспондируется с еще одной максимой Бориса Пастернака, чьи родители были одесситами: "Не спи, не спи художник! Не предавайся сну! Ты времени заложник, у времени в плену". Пунктуация — по памяти.

Кроме интервью в сборнике есть и содержательные статьи Евгения Голубовского и Евгения Деменка, из которых вы узнаете, как "Из солнечных степей, обтекаемых морем", вышел на свет божий "Первый одесский авангард".

P. S. Только из второй "Алчбы" я узнал, что за отчетный период мой любимый Женя Рахманин стал заслуженным художником Украины. Вот это — успех!

